

Ак – патр Алибабаевич Чугашвили Клешня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282281

Аннотация

Шесть. Шесть коротких историй о жизни современного молодого человека. Криминал, насилие, немного мистики и хорошее настроение.

Клешня

Электричка мягко остановилась. Голос в репродукторе невнятно пробубнил название станции, разобрать можно было только первую букву... Я встал, потянул мальчишку за рукав.

– Пошли, название станции начинается на «а», выходим.

Он молча поднялся и пошел к выходу. Мы прошли через платформу, и дошли до остановки автобуса. Стены остановки были густо исписаны граффити, черный металлический прямоугольник (в котором обычно находится информация о маршрутах и интервалах движения) был пуст, и кокетливо завернут вверх шаловливой рукой какого – то гиганта. Внутри остановки чинно выпивали ребята, судя по количеству шелухи от семечек, выпивали уже давно, а если ориентироваться на количество полных бутылок, то впереди у них было еще очень много времени.

– Привет, ребята.

Никакой реакции.

– Автобус скоро?

Никто не повернул головы, как будто ни меня, ни пацанчика тут не было. Говорить больше не хотелось. Я уже собрался уйти, как один из них, глотнул из бутылки, закурил и сказал не торопясь.

– Скоро.

Последовала пауза минуты на две. За это время он несколько раз выпустил дым

,громко высморкался и продолжил.

– Завтра.

Послышались смешки, кто-то восторженно хрюкнул. Я спросил:

– Серьезно?

Последовал тот же ритуал: глоток пива, затяжка, сморкание.

– Очень

– А как еще можно добраться до... и я назвал пункт назначения.

Пауза, повторение всей последовательности действий.

– Такси.

Парень явно экономил слова, силы, эмоции. Я посмотрел на пацана.

–Что думаешь?

Пацанчик молчал. Я сказал в сторону «экономного».

– Спасибо, приятно было поболтать.

Он впервые расщедрился и одарил меня полуулыбкой.

– Гавно вопрос.

– Мы тут подождем. Не против?

– Ждите.

Чего мы ждем, я и сам не знал, весь мой наличный капитал исчислялся пятьюдесятью рублями, наивно было рассчитывать на такси с такими деньгами, но мне уже было плевать на всё. Жуткая жара, целый день в разъездах, жажда, усталость, короче – я просто сидел и ждал. Пацанчик тихо сидел

рядом. Прошло минут сорок, зашуршал гравий, на дороге остановилась Татра, откуда-то снизу живота поднялось тепло, ощущение было такое, будто встретил старого, очень дорогого друга. Нет, я не автолюбитель, в машинах не понимаю ничего, хотя в школе у меня даже был предмет – «Автодело», но моё тело равнодушно профукало всё автодело, на уроках я читал книги, не имеющие к машинам отношения, и краем уха слушал, а если меня спрашивали, краем рта отвечал. Так вот, в машинах я ничего не понимаю, но Татра это совершенно другое дело. С 86 по 89 год моя мама работала в школе при советском посольстве в Праге, я, конечно же, был там с ней. Не знаю как сейчас, тогда районы города просто обозначались цифрами: Прага – 4, Прага -5, ну и так далее. Мы жили в одном таком районе, улица называлась – Под каштанами. В этом месте стояли два четырехэтажных школьных дома, рядом многоэтажные дома торгпредства, севернее была школа, напротив которой располагалось какое-то административное здание, на крыше которого огромными буквами (чтобы мы видели и не сомневались), было написано *sovetskim svazom na vecny casy i nikdy inak!* С советским союзом на вечные времена и никогда иначе! Сами чехи говорили – на вечные времена, и ни минутой больше! Конечно, эту надпись мы видели, и в верности чехов не сомневались. Не сомневались мы и до 68 года, а после, так и последние сомнения отпали вовсе. Южнее, на холме, находилось посольство, в котором часто устраивали приемы для

послов других соцстран, и тогда Татры (черные, кургузые, мощные, с двумя глушителями), заполняли всю нашу улицу. Хриплый голос через громкоговоритель выкрикивал название страны, и машины подъезжали за пассажирами. Если в теплый летний день обойти вокруг дома, и поднять пару камней побольше, как минимум из-под одного вытечет тяжелая, с металлическим отливом, капля и вдруг очень быстро зашевелит ногами, и помчится прочь – это жужелица, или жук-короед. Когда я вижу Татру, всегда вспоминаю этого жука, такое же ощущение мощной силы, надежности, и, конечно же, вспоминаю Прагу, наверняка есть в Европе города красивее, но не для меня. Мутные воды Влтавы неспешно текущие прочь, Карлов мост, пражский град – всё это для туристов, у меня свои любимые места: парк Стромовка, свечи каштанов, смотровая площадка над парком и, конечно же, район Прага – 6. Вечерний, мягкий воздух, теряющий реальность в свете пражских фонарей. Пражские фонари – это такие штыри серого цвета, а наверху у них... В армейской столовой масло выдают в виде кругляшей сантиметра полтора толщиной, этакая масляная шайба, забивая такую в рот, ты провожаешь в последний путь очередной (один из 730) прошедший день. Пражские фонари увенчаны шайбами по форме и цвету похожими на армейские маслаки, на вкус не скажу, не пробовал. Вот поэтому, увидев Татру, я воспарил духом, но ненадолго – ее хозяин приземлил меня обратно первыми же словами. Он вылез из машины, не спеша подошел

и бросил в нас как камнем:

– Сопли в рот, баранки в чай!

По интонации я понял, что угрозы в его словах нет, но общий смысл был мне не доступен. Я попытался представить каково это будет, если правда окунуть баранки в чай, а сопли в... «Экономный» сказал:

– Это он так здороваётся.

– А-а, ну да, и тебе того же.

Водитель был невысок, кривоног, одет в белоснежный, крупной вязки свитер, хорошо контрастирующий со смуглым лицом. Он сразу цепко выделил меня и пацанчика из группы.

– Куда ехать надо?

Я ответил, он заметно оживился.

– В саму гостиницу?

– Да.

– Зиночка в баре работает?

– Не знаю, не был.

– Ладно, двести.

– Да у нас полтинник всего.

– Ты не понял братыло, я тебе двести плачу и доведу с ветерком.

Я, правда, не понял, растерянно посмотрел на «экономного», тот был в курсе шутки и только довольно прищурился, мол, давай-давай.

– Все дело в доверии, вернее в его отсутствии, но это я

тебе по дороге расскажу, садись, поехали

Я встал, и тут пацанчик подал голос, второй раз за день.

– А мама не разрешает мне садиться в машину к незнакомым дядям.

– Да мне моя тоже, но что твоя мама скажет, если узнает, что ты ночевал на остановке, вдали от гостиницы и в окружении такого количества незнакомых дядей?

Пока он обдумывал возражение, я уже втоптал его в обитый белой кожей салон. Внутри было прохладно, приятно пахло освежителем, негромко играла музыка. Машина незаметно поехала, водитель тут же обернулся:

– Как зовут сына?

Я удивленно подумал, что не знаю имени пацана, хотя уже недели три с ним знаком. Чтобы не пускаться в долгие объяснения сказал:

– Вася...Иванович

–Значит ты – Иван?

– Ну, в общем да (опять соврал я)

– А я – Руслан!

– Угу

– Так вот Ваня, хреновые твои дела, ты в курсе?

– Это почему?

– Вася говорит правильные вещи, нельзя садиться в машину к незнакомым людям.

Краем глаза я увидел, что при слове «хреновые» пацанчик судорожно как-то схватился за дверную ручку. Чтоб

не дай бог не вывалился, я на всякий случай закрыл дверь кнопкой. Руслан использовал оригинальный стиль вождения, он не глядел на дорогу, весь отдался разговору, повернувшись к нам. Татра тем временем выехала на встречную полосу, наверное, у меня расширились зрачки, потому что Руслан усмехнулся, и повернулся вперед, выправив положение одним движением рук. Руки были большими, прямо-таки черного цвета, переплетены венами, лежали на руле как-то странно, как какие-то клешни, под очень необычным углом.

– Не бойтесь, я не маньяк, нормально все, шучу я так. Почему хреновые? Ты в какой стране живешь? Со времен горбатого здесь у всех хреновые дела. Ты сам откуда?

– Из Москвы.

– Ну и как там у вас?

– По разному

– А я из Абхазии, слышал про такую республику?

– Кое-что

– Ага, раньше курортное место было, теперь одни крабы на пляже загорают, а люди, те, кто поживее сюда подались, все спасибо Михал Сергеичу.

– А он тут причем?

– Он лохов прогрузил сладкими сказочками про перестройку, гласность и демократию, а сам пока они чухались, Союз развалил, а нам по итогу пришлось воевать. Про Басаева слышал?

– Слышал

– Я с ним в футбол играл, человеческими головами

– Чего?

– Ну да, он же воевать учился у нас в Абхазии

– А головы?

– Грузин, пленных

– Понятно, так ты что – поучаствовал?

– Да, немного

Слева появилась большая черная машина, какой-то хищной формы (я же сказал, что не автолюбитель), и стала прижимать нас к обочине. Руслан хмыкнул, и надавил на газ. Машина чуть отстала, но быстро сократила расстояние, поравнявшись с нами. Открылось окно, в окне появилось иссине-черное от щетины лицо, черные очки, рука с золотым браслетом, которая указывала нам наше место – к обочине! Пацанчик (на сиденье рядом со мной) одной рукой стал держаться за дверь, а другой за нижнюю челюсть. Чтоб зубы не стучали, (догадался я). Товарищ из окна напротив, показал мне необычной формы пистолет, насколько я могу судить – очень похож на настоящий. Руслан резко затормозил, и сразу выскочил из машины, буквально побежал навстречу загонщикам.

– Чего сукнахбля, жить надоело?

– А то! Нахсукбля!

– Привет, Руслан!

– Здорово Гога!

Дальше все пошло как обычно, как принято в таких случаях – поцелуи в щетинистые щеки, объятия, радостный мат. До меня доносились обрывки слов, люди были явно интеллигентные. «Пробил в голову», «снесло башню», «хмурый», «сучки» et cetera. Один из догонявших разложил на капоте газету и стал производить руками какие-то пассы, то ли на пианино играет, то ли колбасу режет. Щелкнула Зиппо, раздались довольные смешки, мои ноздри защекотал сладковатый дым анаши, я закрыл окно. Пацанчик все ещё держался за дверь, костяшки пальцев побелели, на лбу выступили мелкие, абсолютно правильной формы (будто их пипеткой наносили) капли пота. Я успокаивающе сказал:

– Всё нормально, они знакомы

Пацан молчал.

– Да расслабься, скоро приедем.

Тишина. Я отвернулся.

Тот год был неудачным. Во-первых: я женился. Во-вторых: сидел без работы. В -третьих... да не надо никаких третьих, достаточно, во-первых и во-вторых. Я покупал газеты с объявлениями о вакансиях, звонил, ездил на собеседования с кадровыми работниками разной степени бодрости, результат был один – мы вам перезвоним, жду звонков до сих пор. Самооценка неуклонно приближалась к нулю. Помогла мама, какой-то ее знакомой требовался вожатый в летний лингвистический лагерь. Как раз в прокат вышла первая часть приключений гаррипотера, одна предприимчивая тет-

ка мигом оценила конъюнктуру, сняла пол этажа в отдаленной на сто километров от Москвы гостинице, нашла нескольких учителей английского, желающих летом и отдохнуть и заработать, разместила рекламу, назвала все это дело лингвистическим лагерем и – вуаля, я уже грузюсь в автобус с группой детей. Хозяйке лагеря (бесформенная тетка с каким-то мятым, будто только что из стиральной машины лицом) ,я сразу понравился.

– Сказали придет мальчик, а мальчик выше меня ростом и весит килограмм девяносто! Заодно будешь и охранником! Как твой английский?

– I am gonna kick your old ass!

– Чего ты сказал?

– Я говорю, что могу уговорить вегетарианца съесть общепитовскую котлету. (После миллиона собеседований, я знал, что надо говорить работодателю)

Тетка погрузилась, в складках лица добавилось уксуса, и тем похоронным тоном, каким обычно врачи говорят «У вас неоперабельный рак», произнесла.

– А у тебя юмор хороший.

– Я еще и скромный (я шел ва-банк).

– Молодец, не теряешься.

– Сам себя не похвалишь, три дня как оплётанный!

Её губы подобрались в какой-то куриный огузочек, у меня возникло стойкое ощущение, что сейчас последует смачный плевок, просто мадам выбирает сектор для обстрела, но нет,

подвигав огузком направо, затем налево, она что – то промычала, одобрительно махнула рукой в сторону автобуса и пошла разбираться с родителями. Пацанчика я в тот день не запомнил, хотя его мама подходила и просила обратить на него о с о б о е внимание. Было не до него, выяснилось, что есть трое «мокрушников,» которых надо будить по ночам (ину-резники). После приезда оказалось, что мне отведена роль ночного вожатого, физрука, массовика – затейника, охранника и еще чего-то. Никого из этих людей в лагере не было, да и лагеря не было, детей просто разместили в гостиничных номерах, и, почувствовав свободу, они быстро забыли про гаррипотера и начали старательно изводить соседей воплями, бессонными ночами, драками – короче самый обычный детский отдых. Я бдел ночью и днем, позже всех ложился, раньше всех вставал (накрывать завтрак в столовой). Я вел жизнь простого аскета, денег не было, а того что было, хватало только на полчаса занятия в тренажерном зале, стоило это счастье ровно 50 рублей. Быстро прошло две недели, в один из дней мне сунули в руку телефонную трубку, звонила мать пацанчика, бодро заверив ее, что её сынуля поздоровел, возмужал и готов к бою с самим Майком Тайсоном, я побыстрее завершил разговор и тут...услышал его крик. Он даже кричал неправильно, как-то не по-детски, а по-заячьи, жалобно, словно сомневаясь в том, есть ли у него право нарушать покой окружающих. Есть дети, оружие от боли с упоением, свирепо открывающие рот, наслаждающиеся

тем, что оказались в центре внимания. А пацанчик вскрикнул как-то робко и замолк – он все делал неправильно. Этой своей особенностью он настроил против себя всех, даже соседа по комнате, что тот и продемонстрировал, пожав пацанчику руку. Дверью. Да так ловко, что в двух местах вылезла кость. К счастью, в лагере в это время были родители, приехавшие к своему чаду на машине, они подвезли нас до Лобни, где врачи вправили все что необходимо, и закатали правую руку в гипс. Обратно мы добирались своим ходом, теперь ждали окончания саммита Руслана и друзей. Быстро, минут через сорок, он в состоянии, которое американцы характеризуют словом »stoned» рухнул на переднее сиденье, и, предвосхищая мой вопрос сказал.

– Мои друзья, тоже брокеры, как и я.

Именно так я всегда и представлял себе брокеров – бандиты с большой дороги, теперь моя догадка нашла наглядное подтверждение. Руслан хмыкнул один раз, другой.

– Отчаянный ты парень Вася.

– Это почему?

– Садись с ребенком в машину к незнакомому, совершенно пьяному человеку и не боишься, что тебя убьют, ограбят, или машина врежется в столб.

– Да боюсь, конечно, просто...

– Просто ты сразу почувствовал, что доверишь мне, да?

– Да нет, я...

– А чего ты оправдываешься?

– Да я не собирался

– Вот все у нас так на авось делается, своя жизнь не дорога, хрен с тобой, ребенка – то не жалко, что – ли?

– Руслан, ты о чем сейчас?

– А ты, чего поверил, что меня Русланом зовут? Здорово!

– Чего здорово?

– Здорово изображаешь идиота!

Пацанчик исполнил свой «заячий» крик, и стал издавать звуки обычно предшествующие рвоте. Руслан обеспокоенно заерзал.

– Да пошутил, я пошутил, юмор у меня такой, меня здесь все знают, думаешь чего этот крендель на остановке так радовался? Я обычно сажаю лохов всяких, и предлагаю подвезти бесплатно, жадность всегда берет верх над осторожностью, все соглашаются. Я по дороге их попрессую немножко, ну в смысле психологии, потом отпускаю, любопытно наблюдать за реакциями, ты это пацана своего держи, чтоб он мне салон не облевал, я только недавно чистку делал!

– А-а-а, есть вещи, которых и ты боишься, хренов Фрейд!

– Да ладно, давай без обид, я же всё тебе по – честному объяснил, по – братски.

– Носорог рогатый в Африке тебе брат, поехали быстрее, видишь ребенку нехорошо!

Пацанчик всё-таки не смог сдержать себя, правда вырвало его не внутри, а снаружи – я успел открыть окно, немного попало и на дверцу машины, по салону разнесся кислый

запах, Руслан, увидев и унюхав последствия, взмахнул ручищами как краб клешнями и выдал горячую речь на незнакомом языке, только матерные слова проскакивали очень даже знакомые.

– Чего возмущаешься? Сам виноват, зато машина у тебя теперь прямо нарышкинское барокко – неповторимое сочетание двух цветов!

– Издеваешься? Правильно, только ты пойми, я все это не со зла, не надо меня за падлу держать.

– Не мы такие, время такое, знакомая песня...

– Да хорош уже, а ты гниловатый оказывается Ваня, сначала тихонько сидел, а как почуял безнаказанность, так гавно из тебя и поперло.

– Из меня?

У меня даже дыхание перехватило, вот же наглый черт! Хотелось бы мне сказать, что вот так обмениваясь искрометными, брызжущими остроумием репликами, мы и доехали до гостиницы, так нет, на самом деле я «завис», и молчал большую часть дороги. Пацанчик тихо заснул, здоровой рукой держась за ручку. Из рта у него тянулась струйка слюны. Когда Руслан резко притормаживал, или на дороге попадались неровности, голова пацанчика билась об стекло, каким-то деревянным стуком. Когда приехали, Руслан выскочил из машины первым.

– Гони полтинник.

– На, заслужил, дай хоть руку пожму.

Я чувствовал облегчение от того, что все закончилось благополучно, и я цел и ребенка довез, и даже был готов обнять Руслана. Видно я слишком крепко его схватил, лицо исказила гримаса настоящей боли.

– Ну чего хватаешь, у меня же обе руки сломаны!

Только сейчас до меня стало доходить – мы с пацаном сели в машину к какому-то ненормальному, вообразившему себя психоаналитиком, человеку явно криминальных наклонностей (судя по кругу общения), пьяному, обкутившемуся на наших глазах, да еще оказывается, со сломанными руками. Я почувствовал труднопреодолимое желание коснуться асфальта лбом, чтобы удержаться пришлось схватиться за капот Татры, Руслан еще раз проделал свой трюк со взмахом руками, словно птица-мутант, у которой клешни вместо крыльев.

– Полировка, я ж тебе говорил!

Я ничего не ответил, мимо проходил строем наш лагерь, было время ужина, втолкнув пацана в строй, я поплелся в столовую. После ужина машина стояла на том же месте, задняя дверь была открыта, из нее торчали ноги Руслана. Я подошел посмотреть – он мирно спал, мой полтинник валялся на полу. Я тихонько поднял деньги, Руслан все равно не вспомнит, а я еще раз в тренажерный зал схожу. Как говорила героиня одного фильма: »Вы считаете меня легкомысленной и несерьезной?«. Наверное, вы правы.

Периметр.

Пиночет! Борман! Гитлер! – идите сюда уроды, ах Борман, ну ты и падла, слюнявый как пидор – а ну отвали, да, у меня есть для вас кое –что, но достанется только одному – самому умному, ну, куда мы сейчас идём? Правильно Пиня – мы идём на периметр! Гулять! Старого не проведёшь, он всё знает. На тебе сосисочку, стой я на нос тебе положу – давай покажи, как ты умеешь!

Огромная пасть бесшумно открывается, и сосиска исчезает в её алой глубине бесследно. Борман и Гитлер с обиженными мордами отбегают в стороны, но тут же начинают повизгивать от нетерпения – скоро прогулка. Мы идём на периметр – катаю это слово во рту как кусок гальки – пе – ри – метр, чувствуется какая –то геометрическая выверенность, и в то же время какое –то неудобство, громоздкость. Пойдём впятером – три пса, сержант из города невест, и я. Пиночет жил в карауле до меня, при мне и, будет жить после меня, старый, заслуженный, благообразный армейский пёс, ненавидевший офицеров – наши вкусы совпадали в этом вопросе. Борман и Гитлер приبلудились позже, ещё щенками. В караул привозили пищу на ЗИЛе, масло в алюминиевых тарелках, каши и супы в бачках – мы это есть уже не могли, и отдавали собакам. В карауле ещё была кошка, её звали Сысой, да, имя не совсем бабское, просто так получилось, , когда мы обнаружили, что она – девочка, менять что –то, было уже поздно, Сысой феминисткой не была, и охотно отзывалась на мужское имя. Сержант был похож на смазливого типа

певшего песню про Wonderful Life, был он на полгода призывом старше меня, трусоват, истеричен и подл – в общем, надёжный спутник для обхода периметра. Отработанным движением мы заряжаем наши СКС – десять патронов калибра 7,62, я с нетерпением жду, когда – же найдутся безумцы, готовые напасть на наш караул. Я отслужил уже больше года, и ради отпуска, готов кого –нибудь убить, желательно, чтобы мне за это ничего не было. Ничего не поделаешь – я неисправимый романтик. Душка –сержант пнул ногой калитку, псы азартно понеслись наперегонки, мы идём минут десять в быстром темпе, ну всё – пора закурить и посидеть, по периметру стоят скамейки из распиленных пополам брёвен.

– Слушай, я тебе про танкиста рассказывал?

–Нет.

– У меня в Часцах дача, рядом пруд, пару лет назад поисковики нашли в пруду немецкий танк, полностью сохранившийся, вытащили на берег, а внутри башни огромный сом свернулся калачиком.

– Как он туда попал?

–Через дуло танка заплыл, еще когда мальком был.

– И чего, он там столько лет просидел?

–Ну да.

–А чем же он там питался всё это время?

– У мёртвого танкиста .уй сосал.

– Врешь падла!

–Не хочешь – не верь.

– Ладно, пошли – отзвониться надо.

Отзвон производится с грибка – зелёного цвета столба с шатровой крышей, идеальное убежище для комаров, они образуют внутри шубу, чтобы позвонить, надо нырнуть под крышу, задержать дыхание, и схватив трубку, нажать на овальную клавишу на трубке.

– Алё? – ленивый баритон начальника караула демонстрирует нам неуместность всяких звонков. Вы просто так не звоните, вот если вас там убивать начнут, тогда конечно, помочь не обещаю, но послушаю с удовольствием.

– Лады, если сержанта грохнут – я отзвонюсь, скажу, где тушка лежит.

Сержант делает в мою сторону движение, означающее готовность драться, причём немедленно – я плюю на траву как можно ближе к его сапогам, он правой рукой хватает карабин за приклад и срывает его с плеча – секунда, и я заглядываю в ствол – Хорош так шутить, я тебе сколько раз говорил, ты меня нервируешь!

Я отвожу ствол в сторону, и, не оборачиваясь, иду вперёд, он по – старушечьи возмущается ещё минут пять, до следующего перекура.

– Ты про медведя – шатуна знаешь?

– А кто про него не знает?

– А про медведя – ревуна?

– Кого? Такого медведя нет!

– Есть, он, прежде чем в спячку впасть, очко себе глиной

замазывает – ну чтобы не похудеть за зиму, а весной, когда проснётся – лезет на дерево и оттуда прыгает сракой вниз, чтобы глина треснула и развалилась.

– А почему – ревун?

– А ты попробуй с высоты пяти метров и очком и об землю!

– Да пошёл ты со своими байками, ты мне лучше скажи – чего мы жрать сегодня будем? Капитан из еды с собой взял только воду, я видел, когда он дипломат открывал.

–А, вот почему он так на кашу набросился, любитель пшёнки.

Наш гастрономический диспут прервали собаки – с громким воем они пронесли мимо, направляясь к караульному помещению.

–Таак, похоже, опять какая –то лесная тварь, помнишь как зимой?

–Угу.

Зимой наш выход на периметр прервался похожим образом – вперёд умчалось три пса, а возвращалось четыре, три собаки спрятались за нами, четвёртая остановилась, будто для того, чтобы получше рассмотреть нас, перед тем как приблизиться.

– Не понял, у нас же три пса, откуда взялся четвёртый?

– Чего –то не похоже оно на собаку.

Оно повернулось боком, и я разглядел кисточки на ушах – это же рысь! Легко, грациозно, она перемахнула через ко-

лючку, и исчезла в заснеженном лесу, оставив нас стоять с открытыми по – дурацки ртами.

– Приготовься, это может быть кабан или лось.

– Усехда готофф.

Периметр – это прямоугольник протяженностью шесть километров, с внешней стороны защищён двумя рядами колючей проволоки, вторая представляет собой сигнализацию, в теории, при соприкосновении с ней, в караулке должен раздаваться сигнал тревоги, но это в теории, на практике её надо минут пять пилить штыком, чтобы вызвать « цевницы слабый стон », кажется так говорится у Александра Сергеевича. Мы находились на короткой стороне прямоугольника, ближе к выходу на длинную, не торопясь и настороженно прошли метров пять, не встретив никаких лесных зверей.

– Расслабься, псины струхнули просто так, мало ли чего у них в голове?

– Не может быть, я видел, как они рванули, это неспроста.

– Ладно, придём назад, расспросишь их, в чём там дело, они тебе всё расскажут.

– Пошёл ты, приколист.

Августовский вечер был бы хорош, если бы на ногах были сланцы, а не сапоги, и ещё раздражал жуткий собачий вой из окрестных деревень – в этот вечер не только наши псы ощущали дискомфорт.

– Во! Смотри, это что за... – сержант вытянул палец вверх, и рот его открылся колечком, мне захотелось плюнуть, уж

больно удачно он подставлялся, ладно не буду, такого он мне точно не простит. Я посмотрел в указанном направлении, да, такое я уже видел. Сразу хочу сказать, что никогда не воспринимал всерьёз маразматиков верящих в инопланетян. Уфологи, экстрасенсы и прочие шарлатаны наводят на меня тоску, дедушка Картезий рвёт на. опе волосы от злости, лёжа в гробу, но эта штука висела в небе, впрочем, нет, это я неудачно сформулировал. Если разделить всё видимое небо на четыре квадрата, она совершала движение по дуге, из нижнего левого в правый верхний, и там, будто натыкаясь на невидимое препятствие, исчезала, вновь появляясь в одной и той же точке в нижнем левом квадрате. На тарелку она была не похожа, скорее на перевёрнутую фашистскую каску, сделанную из какого – то полупрозрачного материала. Сержант впал в грудничковое состояние, обильно пустив слюну из полуоткрытого рта.

– Ну, что ты – я взял его за локоть и потащил вперёд, он не сопротивлялся, и шёл на автомате, я пожалел, что не плюнул, в таком состоянии он бы ничего не заметил.

– Сразу видно, что ты на пост не ходишь, я такую ерунду каждую ночь вижу, я ж тебе говорил, ты думал – шучу?

– Что это?

– Как бы тебе помягче объяснить, есть вещи, о которых думать не надо, чтобы не сойти с ума, воспринимай это просто как дополнительный источник света, например торшер.

– Ты чего буровишь, это же – тарелка.

– Хорошо, что ты о еде не забываешь, кстати, Мамеда знаешь из комендантского взвода?

– Да.

– Он же из аула, вот к ним приехало московское телевидение, снимать программу о жизни горных селян, и как раз в это время скончался местный аксакал, надо хоронить, телевизионщики тут как тут, у них стояк на такие вещи – они ж там все некрофилы. Горцы роют яму, весь аул построился, старейшина гундит на своём языке, оператор преет от восторга – когда ещё так повезёт, снять такую экзотику! И тут старец решил блеснуть знанием русского, не каждый день можно в телевизоре оказаться, ну и говорит – А теперь, чтобы наши московские друзья знали, что мы не только свои обычаи знаем и уважаем, как говорят у вас над гробом – Желаю тебе, эээ, желаю, ну, в общем – с лёгким паром!

Сержант рванул свою руку.

– Да достал ты, не чувствуешь напряжение какое – то, псы воют, над головой эта хрень повисла, щас чего – то будет.

Да здравствуют трусы, им не откажешь в интуиции, я не то чтобы храбрец, но в тот момент не почувствовал ничего, отпустил руку сержанта и пошёл вперед посмеиваясь.

– Стооой, вон, вон там, смотри!

Он не просто кричал, он визжал, я повернулся, чтобы высказаться, но увидев его лицо, понял, что сейчас не время – его взгляд остановился, палец указывал в одну точку, проследив за его взглядом, я увидел колеблющиеся ветви ку-

старника. Кто –то, или что –то только что скрылось за нами. Всегда интересно читать, как у кого –то волосы стали дыбом от ужаса, выступили мурашки, холодный пот – ну все эти очаровательные штампы используемые авторами, для демонстрации душевного состояния героев в критических ситуациях, ответственно говорю – всё было по –другому. Сержант отбежал метров на пять назад, и рухнул под грибком, я некоторое время стоял не двигаясь, тупо смотрел на ветки, которые ещё совершали свои движения. Я не чувствовал страха, было какое –то чувство пустоты, зыбкости почвы, одиночества и даже тоски, время остановилось, не доходили звуки, в ушах звенело – это был дзен, настоящий, беспримесный. Не могу сказать, сколько времени я отсутствовал, правое ухо опять стало воспринимать звуки – какие –то жуткие визги, я не сразу понял, что сержант фальцетом выкрикивает моё имя, и я побежал на звук, старательно втыкая каблук в землю, делая отмашку правой рукой, чувствуя себя последним дебилом, плюхнулся на живот рядом с сержантом. Он что-то кричал, я видел только его судорожно шевелящиеся губы – звук опять отключился, я тоже стал орать, чувствуя прилив крови к лицу, шее, и вдруг, как после попадания воды в ухо, звук прорвался и я услышал крики какого –то олигофрена.

– Нээ нээ не паанимайу, нээ нээ слышу!

С удивлением я понял, что это мой голос, слова чужие, вместе со звуком вернулось сознание.

– Звони в караулку.

Сержант схватил трубку, и несколько раз надавил на клавишу.

– Ну что, трупы есть? – ленивый тенор начкара неуместно пронизировал на другом конце провода.

– Вызывай дежурное подразделение, быстрее!

– Я же говорил, хорош, придуриваться, вы чё там – обкурились что – ли?

– Мудила бя, звони быстрее, здесь какой – то мужик, здоровенный! – проверещал сержант, голосом кастрата Фаринелли.

– Да? – голос начкара изменился – ну вы это, действуйте по обстановке, выходите на связь...

Я честно пытался разглядеть нарушителя, но кроме веток не видел ничего, как ни старался. Сержант дико посмотрел на меня и прошептал – Досылаем?

Всё! Это погребальные колокола! Дослать патрон в патронник – это значит обречь себя на многочасовые беседы с юристами, написание объяснительных, и прочую лабуду. Солдат, выходящий на пост, заряжает в магазин десять патронов, но не досылает их в ствол – боёк оставляет на капсюле круглую, нестираемую вмятину – накол, после каждого возвращения смены в расположение, старшина проверяет все патроны у каждого караульного на наличие наколов, обнаружив их, он деловито наматывает яйца провинившегося себе на руку, оторвёт их и весело сыграет ими в бильярд. Па-

трон досылается в ствол только при нападении на объект, то есть в случае, когда придётся стрелять, и надо быть готовым объяснить свои действия впоследствии.

–Ну? Досылаем?

–Давай!

Металлический, громкий щелчок бойка слышен на несколько километров. Щёки сержанта порозовели, он вспомнил устав.

– Стой, кто идёт?

Тишина, только вой собак из– за леса.

– Стой, стрелять буду!

Реакция такая же.

– Выходи, козёл, мы тебя грохнем! Ну, где ты сука? Боишься урод? Иди сюда!

Он надрывался ещё минут пять, а на меня снизошло спокойствие, я чувствовал себя так, будто я сижу на морском дне, из воды торчит только моя голова, волны мягко касаются тела, нежно задевают и щекочут живот мелкие рыбки, стайками резвящиеся у берега, плевать мне на всё – я отключился. Тишина, никто не кричит, не слышно собак, зрение приобрело резкость – небо чистое, тарелки нет, кусты больше не шевелятся, я обнаружил себя сидящим, прислонившись спиной к грибку, другую сторону грибка облюбовал сержант, глаза его ввалились, он тяжело дышал через открытый рот, дыхание размеренное как у спящего. Задрезжала трубка связи – сержант не реагировал, я протянул руку.

– Дежурное подразделение прибыло, минут через двадцать будут у вас, вы как там – продержитесь?

– Да.

– Чтобы вы их не перестреляли, давай пароль придумаем. Голова была ясной, но абсолютно пустой, я посмотрел на сержанта.

– Пароль – Иваново.

– Иваново, понял.

Пока не прибыло дежурное подразделение надо привести себя в порядок, тот, кто видит в солдатах только серую массу, сильно ошибается, здесь есть свои метросексуалы, впрочем, сам термин не в ходу, за него можно и получить. Про духов говорить нечего – им ничего не положено, это значит, оперируя либеральной терминологией: полное отсутствие прав, и примат обязанностей. Уважающий себя старослужащий носит сапоги со сточенным в форме рюмки каблуком, и складками по голенищу (делаются плоскогубцами), застиранную до белизны афганку (если речь о лете), ушитые штаны в обтяжку, чуб до подбородка, убирающийся под головной убор для соблюдения устава в котором сказано, что: военнослужащий должен иметь аккуратную (какую именно не уточняя) причёску и воротник подшитый половиной простыни. Есть и другие нюансы, но они в данном случае неважны. Моя белоснежная афганка была позеленена об траву, а спереди, на уровне груди темнело пятно неизвестного происхождения и состава. По форме напоминало один из материков, подумав,

я пришел к выводу, что сержант не одинок в своей манере пускать слюни – утечка произошла в момент отключки. Стемнело, похолодало, с длинной стороны периметра донеслись голоса – я пнул сержанта сапогом в бедро .

– Очнись, наши здесь, пароль – Иваново.

Он вдруг каркнул, ну прямо по – вороньи. Я посоветовал ему.

– Смотри яйцо не снеси.

Послав меня по маршруту, обещающему эротические приключения, он вроде взбодрился и закричал.

– Стой, кто идёт?

– Свои.

– Кааакие нах свои, я вас всех положу сейчас!

– Иваново.

– Так бы и сразу.

Дальше воспоминания мои обрывочны, разряжая карабин, я высыпал патроны в траву, мягкое латунное звяканье, круглые глаза ротного, обнаружившего перекусанную внешнюю колючку, а за ней оборудованное лежбище, по пожелтой траве определили, что пользовались им неоднократно, кто – то методично ходил и выглядывал, просчитывал, замечал график наших перемещений. Смутно помню обратный путь в караулку, жалостливые, со смесью презрения взгляды сослуживцев – так смотрят на нищих выставляющих обрубленные культы в переходах – вроде и сочувствуешь, но чувство гадливости непреодолимо. Дежурное подразделение

уехало, оставшиеся караульные наотрез отказались выходить на пост, забыв о том, что среди нас есть деды и духи, мы превратились в кучку перепуганных сопляков во главе с офицером, который не знал, как ему с нами быть. До утра часовые сидели на стуле в коридоре караулки. Утром приехала целая делегация проверяющих, главным почему – то назначили зама по тылу.

– Ну, рассказывай – это он мне.

– В 20 -00 я сменился с поста и вышел на периметр с сержантом, в 20-45, не доходя до длинной стороны периметра, сержантом был обнаружен нарушитель, между внешней колючкой и сигнализацией.

Зам по тылу блеснул охотничьим азартом – Почему не задержали?

– Сигнализация три метра высотой – не смогли перепрыгнуть.

– Почему не стреляли?

– По уставу не имеем права, нет явного нападения на объект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.